

18 ИЮНЬ 1934

ТАСС

СОБЫТИЕ

О пригорка, у густой дубовой рощи, в которой спряталась школа ФЗУ, глазам открывается живописная панорама Земетчинского сахарного комбината. Внизу, у широкого подножья заводских огородов, низко над холмами прозрачной речушки Раев широко разлеглись корпуса и пристройки старейшего в Союзе сахарного завода. Далеко видны его трубы. Выше, разбросаны села, видны очертания совхозных построек, усадеб, конторы, складов, станции, завод опоясан узкими лентами декоративных

Выше холма завода, тяжелый обескуренный вендер, который еще и сейчас можно обнаружить на внутризаводском мосту, знала где, осесть. Земетчино легло в одном из плодороднейших массивов черноземной полосы. Жирная, добрая земля! Темный, неведомый, зануженный мужик за гроши отдавал свой каторжный труд ки. Долгоруковым

День 13 июля 1934 года для Земетчино останется памятным. Новая, яркая страница записана в его историю. В это ли только? Разве событие, которое произошло в этот день, не записано славной страницей в историю всего нашего строительства? Но что случилось, почему на всем протяжении от Соснов до села Земетчино на всех попутных станциях о радостном возбуждении встречали необыкновенный для шупленского земетчинского железнодорожного состава большой электрифицированный вагон? На станции Пашиково в вагону, как агонии из кузовка, высила вагата бойких ребятниц. И они оседомлены о названии вагона, а они зволюаюны событием, которому жия эти дни район.

— Никак Калинин приехал? — солидно гремит звоняним колеском боконогий мальчишка в синей рубашонке без пояса.

— И не Калинин, а директор Наркомсела Микоян, — поправляет его нарядный постарел, русоколовый в серой кепке, в густой сетке везущий на круто загоревшем лице. И когда выискивался, что в вагоне нет ни Калинина, ни Микояна, ни Бубнова,

ребята, огорчавшись немного, быстро перешили в наступление и потребовали от московских гостей, вышедших на платформу подышать свежим воздухом, дать честное слово, что и их, ребят Юрсской школы, не забудут, что и к ним на дубовую площадку лесозавода придет знаменитый театр. Тем более, что и «Ревизора». И «Не все коту масленица» они отнюдь не знают.

Крупнейший мастер этого театра, заслуженный деятель искусств Александр Александрович Остужев стоит восхищенный среди этой бойкой вагата ребятниц. Его радует это коллективная общительность ребят, их дружеская простота, а уже прелесть, в вагоне, он беспрестанно другие времена, когда закупаемые, неграмотные ребята ищут, переищ, срыв не смеет вымолвить, тяжело молчали при расспросах.

Волновались все. Возновалось население пяти районов — Земетчинского, Пичаевского, Ракшинского, Вашиковского и Моршанского, которые в день открытия первого совхозно-колхозного филандела Малого театра в Союзе послали в Земетчино лучших своих людей.

Волновались организаторы и инденторы этого дела, а первую очередь художественный руководитель театра, старший, но жизнеродственный и явный в работе Платон, Иван Степанович. Его уверенным рукам, его многогодушному опыту доверил Малый театр руководство своим филанделом в Земетчино.

Волновались актеры, все поголовно — и те, кто был, занят в «Ревизоре», и те, кто в спектакле занят не был. Шутка ли! Как встретит «Ревизора» зритель, может быть, еще несколько часов назад закончивший косьбу или вернувшийся из полевого табора, где обсуждался вопрос предстоящей уборки хлеба и свеклы? Как произойдет у этого зрителя встреча с Гоголем, языком и образом которого должны раскрыть сегодня артисты Малого театра?

Волновались зрители. Он был изумителем и многолик. На совхозных и заводских автомашинках, на телегах ледового дозора, сля и шел

пеншом ярились за десятки километров к этому бедному двухэтажному зданию, которое с сегодняшнего дня записывалось в послужную службу культурной революции, включалось в арсенал художественно-политического воспитания масс.

Рядом с неграмотным стариком Савелем Тимофеевичем Сгибевым, кидлозником, локвой работе которого могут позавидовать ныне комсомольцы, рядом с трактористом совхоза Туркиным сидели и допотопельщики. Люди большевистской культуры и высокой политической закалки, сельсоветчики и рабочие сахарного завода.

И разумеется, волновался больше всего Федор Осипович Чинчис. Это — художарный, легкий человек, ровный и мягкий в обращении. Но это — настоящий большевик, выпестованный гражданской войной, соратник Михаила Насидевича Фрунзе. Федор Осипович — душа Земетчинского завода, его руководитель и организатор. На рассвете начинал он свой длинный трудовой день, полный разнообразнейших забот.

Сейчас завод превратился в гигантскую больницу для самого себя. Он успешно, хотя и с немалым напряжением, проводит капитальный свой ремонт. Он стар, этот завод! Нужно бережно и любовно починить его вакуумы, чаши и печи, перестукать проржавевшие трубы, сменить сплывшиеся листы, которые завод делает тут же и в своей кузнице, в своих механических мастерских и антейной. Но главное, очень многого не хватает. — Ну, скажем, манесмаковских труб и сит. И Чинчис, не суетясь, не теряясь, весь произвальный оптимизмом, бодрый и стремительный, встречает эти трудности.

Ижевск сего заводу, который составляет одно целое с распахнутыми далеко по кругу цехо крупными совхозами — им, Сталина, Пролетарским, им Урицкого, — и почти дружка стали колхозов, дында честь открыть замечательную страницу в истории социалистического театра.

В этом неглубоком, странном, но наш театр не безудачный остров, где жрецы за семью печатями оберегают сокровища искусства, тяжелым занавесом отделившие от горячих будней социалистического строительства. Созидание настоящего художественного театра в селе Земетчино, — событие

громадной значимости. Оно наглядно показывает, какие удивительные дела происходят в сельскохозяйственных массивах нашей страны, где ведающе и прочно ставятся на ноги социалистическое хозяйство. Завод, совхоз, колхозный, строй формируют, чеканят новую экономику района. Вместе с индустриализацией, зажиточностью идет великий культурный подъем.

Прекрасный почин. Малого театра, горячо поддерживаемый народным комиссаром снабжения т. Микояном, — не почтительный шефский выезд, не случайная, скоророходящая затея. Это — большое, серьезное дело. Первый совхозно-колхозный филандел Малого театра, сформированный на добровольцах, пришел в Земетчино как почетный и знающий гость. Начало жизни молодого театра — не беспомощно и подвизническое «хождение в народ». Малый театр пришел в Земетчино как равноправный соратник завода, совхоза, колхоза для того, чтобы вместе с ними, как боец по классу, с большевистской прямотой и энергией, восвать за свеклу и за хлеб, за колхозный строй, за культуру.

От чистого сердца, с великой радостью и любовью включает Малый театр его чудесный и дружный коллектив актеров Земетчинского филандела, высокое свое мастерство, в чистое действующих средств культурной революции. Средства эти непрерывно множатся. Сегодня в районе свыше тысячи звуковых киноустановок, две тысячи радиоточек в полевых таборах. Растут парки тракторов и автомашин. Школы, асли, клубы, столовые, электричество глубоко проникают в быт земетчинской деревни.

Формируется новый тип советских людей. И одинаково новыми сочтены будущий историк и актер совхозно-колхозного филандела одного из величайших деятелей мира, актера, который, создавая на сцене бессмертный образ горючичного, будет одновременно превосходно владеть агрономическим. Новым типом человека будет считать историк и Савелия Сгибнева, на старости лет сделавшегося лучшим ударником колхозных полей, и семидесятилетнего Михаила Антоновича Федорова, подвиза проработавшего на сахарном заводе, а настоящую жизнь увидевшего только теперь. Сейчас он на пенсии, но

твердо и бодро держат его прозрачные, сохшиеся старческие руки инструмент. Выцветшие глаза, сквозь очки, укрепленные нитками, зорко шудают обтачиваемую деталь. Новыми людьми будут считать неутомимого строителя театра, директора завода Чинчиса, спокойного и настойчивого в выплнении большевистских поручений Бочарникова, секретаря райкома, «хозяйла района», и Лукина, начальника политотдела Земетчинской МТС, и Платона, страстного театралла, охотника и чтецова, и тысячи, десятки тысяч земетчинцев, которые в сущности ничем не отличаются от населения других районов великой нашей страны.

Я вижу дальше, — не раз повторил Чинчис на производственном совещании с актерами после первого спектакля, на другой день. Он говорил о будущем театре, о предстоящей его достройке, когда зрительный зал вместит до 700 человек. Он ясно видит, что несет с собой театр всему району, ближайшим районам. Его простые и веские слова перекликались с выступлениями тракториста Туркина, секретаря обкома Варейкиса, драматурга Ромашова и рабочего сахарного завода Краснощекова на премьере «Ревизора», до поднятия занавеса, на торжестве открытия театра.

Начало величайшему делу культурной революции положено в селе Земетчино. Театр, художественный и полновесный, станет одним из рычагов перестройки быта и жизни, которая становится ярче и радостнее.

И незабываема картина первого театрального разезда после мастерских сирданого «Ревизора», вверные ны сля полнокровно провозвавшего со сцены Земетчинского театра. При свете электралампы на заводских и совхозных грузовиках, на телегах разезжался по домам совхозный и колхозный зритель, разговорчивый и возбужденный, нагруженный впечатлениями и радостью.

Нашу начиналась настоящая, большая, культурная жизнь, в которой призывает перед поднятнем занавеса громадный крепкий Лидин, — колхозник, последний в гости к Гоголю от колхоза им. Ворошилова.

Ю. ПРИГОЖИН